

Александр Невский в псковской литературе XV—XVI вв.

Князь Александр Ярославич, получивший в народе прозвание Храбрый и Невский, хорошо известен псковичам как герой местной истории и всей Русской земли.

Освобождение Пскова от ливонских рыцарей в 1241 г. и Ледовое побоище 5 апреля 1242 г. вписали его имя навечно в анналы истории Пскова и всей Русской земли¹. Его заповедь „невѣгласым псковичам“ помнить о событиях 1241—1242 гг. и доверять князям из рода князя Александра, т. е. впоследствии московским великим князьям, глубоко запала в душу народа. Местная письменная традиция бережно сохранила и донесла до нас известия и литературные произведения о жизни и деятельности Невского героя. Начиная с XV в., псковские летописные своды, отразившиеся в Псковских 1-й и 2-й летописях, включали в свой состав сведения о нем, почерпнутые из Новгородско-софийского свода 1448 г. и Новгородской 5-й летописи, а также из Жития Александра Невского 1-й редакции, памятника владимирской литературы 80-х гг. XIII в.² Самый ранний из сохранившихся до наших дней псковских списков 1-й редакции Жития дошел до наших дней в составе Псковской 2-й летописи (рпк ГИМ, Синодальное собрание, № 154, 1486 г.)³. Житие Александра Невского помещено в самом начале (на лл. 154—162 об.) в качестве вводной статьи.

Составитель Псковской 2-й летописи сознательно включил в свой летописный свод большую литературную часть: 1) предисловие „Начало летописца псковского“; 2) легенды под 6362 г. „о Кие, Щеке и Хориве“ и „о начале Русской земли“; 3) „Начало княжения Володимира. В лето 6488“.

Затем, идут „Повести о житии“ трех главных военных покровителей Пскова — князя Александра Ярославича, князя Довмонта-Тимофея, князя Всеволода-Гавриила (последнее под 6646 г., отделено от „Жития Довмонта“ несколькими

¹ См. В. Т. Пашуто, Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век), М. 1956; Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища, М.-Л. 1966; А. И. Рогов, Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве. — В кн.: „Дранг нах остен“ и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Югосточной Европы, М. 1967, стр. 32—58; С. И. Колотилова, Русские источники XIII века об Александре Невском. — В кн.: Исторические науки. Ученые записки Ордена Трудового Красного Знамени Государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 502, Псков 1971, стр. 99—107.

² См. Ю. К. Бегунов, Памятник русской литературы XIII века „Слово о погибели Русской земли“, М.-Л. 1965; Ju. K. Biegunow, Utwory literackie o Aleksandrze Newskim w składzie latopisów ruskich. — „Slavia Orientalis“ XVIII (1969), Nr. 3, стр. 293—309. Изд. текста см. Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова. Вып. II, М. 1955, стр. 11—16.

³ А. Н. Насонов доказал, что Синодальный список составляет отдельную летопись (см. А. Н. Насонов, Псковские летописи, вып. 2, М.-Л. 1950, стр. XLVI). Рукопись была кратко описана М. А. Оболенским (см. М. А. Оболенский, Супрасльская рукопись, содержащая новгородскую и киевскую сокращенные летописи, М. 1836, стр. 159—161) и подробно — А. Н. Насоновым (А. Н. Насонов, Псковские летописи, вып. 1. М.-Л. 1941, стр. XII—XIV).

краткими заметками о князе Всеславе Полоцком) — и „Повесть о знаменнии, иже та Острогу, от иконы святыя богородица, и о суздальцах“.

В Синодальном списке Псковской 2-й летописи летописные статьи XII—XIII вв. очень кратки. Систематическое летописание охватывает время от начала XIV в. (о 1486 г. Как указывает А. Н. Насонов, особенно богатый летописный материал сохранился после 1417 г. Синодальный список обрывается на статье 1486 г.: „Тоя же зимы в великое говение, в понедельник 5 недели, месяца марта в 6 день, бысть“⁴, продолжение которой читается в 1-й Псковской летописи, в Погодинском списке: „Того же лета бысть знамение в солнце: погубило все не на мног час, месяца марта в 6.“⁵

Перед этим летописец рассказал очень подробно о деле с подделкой смердьеи грамоты, о бегстве посадников в Москву, о возвращении из Москвы на псковское княжение князя Ярослава Васильевича Оболенского с женой и тремя опальными посадниками⁶. Тенденцию этого рассказа анализирует Н. Н. Масленникова⁷. Она утверждает, что летописец не сочувствует „черным людям“. Дело с подделкой смердьеи грамоты свидетельствует о том, что великий князь настойчиво вмешивается во внутренние дела Пскова в интересах расширения своей власти и привлечения на свою сторону верхушки псковских землевладельцев⁸.

Тенденция этого рассказа в Псковской 2-й летописи ясна: оправдать участников отделки смердьеи грамоты князя Ярослава и трех посадников, и, в конечном итоге, политику Ивана III в отношении Пскова.

Мы полагаем, что факты устных показаний, отмеченные А. Н. Насоновым, говорят за то, что летописец был современником событий 80-х гг. и он сам слышал рассказ о „чуде“ при гробе Довмонта от посадника Степана Дойниковича. Живость рассказа свидетельствует о том, что Синодальный список летописи отражает реальное летописание 80-х гг. XV в.

Свод, заключающийся реабилитацией участников крупных фальсификаций со смердьеи грамотой⁹, мог быть составлен в 1486 г. с ведома князя Ярослава и бывших посадников Степана Максимовича Дойниковича, Леонтия Тимофеевича Василия Коростового.

А. Н. Насонов предполагает, что в основе Псковской 3-й летописи лежал псковский летописный свод 50—60-х гг. XV в., содержащий кроме псковских известий не-псковский материал. Псковский летописец воспользовался: 1) Новгородско-иерусалимским сводом, 2) Хронографом, 3) Новгородской 5-й летописью, 4) Летописью волоцко-смоленско-литовской⁹.

В не-псковских источниках псковского летописца Жития, близкого к Житию Александра Невского Псковской 2-й летописи, не содержалось: в Н1Л младшего свода и в С1Л и Н5Л содержится „вторая редакция“ Жития Александра Невского.

А. Н. Насонов, Псковские летописи, вып. II, стр. 69.

А. Н. Насонов, Псковские летописи, вып. I, стр. 80.

А. Н. Насонов, Из истории псковского летописания. — ИЗ, т. 18, М. 1946, стр. 284—285.

Н. Н. Масленникова, Присоединение Пскова к русскому централизованному государству, Л. 1955, стр. 168.

Там же, стр. 73—77.

А. Н. Насонов, Из истории псковского летописания, стр. 280—281.

В псковском летописном источнике Псковской 2-й летописи — общем протографе псковских летописных сводов середины XV века (по А. Н. Насонову)¹⁰ — Житие Александра Невского также не содержалось, так как Жития Александра Невского не было в сводах 1469 и 1481 гг., которые легли в основу Псковской 1-й и Псковской 3-й летописей, в конечном итоге, восходивших к общему со сводом 1486 г. источнику — своду 1464 г. Значит: 1) либо Житие Александра Невского было специально написано для Псковской 2-й летописи, 2) либо оно было переписано в летопись из сборника. Первое предположение отпадает, так как Житие Александра Невского содержится в Псковской 2-й летописи в первой редакции, возникшей еще в 80-ые годы XIII века. Житие Александра Невского было приспособлено для летописи псковичем: были целиком выпущены рассказы „о 6 храбрых муж“ в Невском сражении и „о чуде за рекой Ижорой“ (в Невском сражении псковичи не участвовали), добавлены некоторые подробности об освобождении Пскова от немцев в 1241—1242 гг. (из Псковской 1-й летописи)¹¹.

Можно предполагать, что включение Жития Александра Невского во 2-ю Псковскую летопись перед Житием Довмонта в одной из древнейших версий связано с желанием приравнять Александра Невского к военным покровителям Пскова князьям Довмунту-Тимофею и Всеволоду-Гавриилу. Очевидно, что Житие Александра Невского было внесено в летопись (в свод 1486 г.) благодаря указанию Степана Максимовича Дойниковича, который особенно чтит Александра Невского и его военные заслуги перед Псковом.

В то же время, около 1486 г., по заказу того же Дойниковича был изготовлен еще один список с первой редакции Жития Александра Невского (в „Книге пророка Даниила“), но теперь с интереснейшим предисловием перед ним, которое было извлечено из недошедшего до нас полностью эпического произведения Владимиро-суздальской Руси XIII в. — „Слова о погибели Руськой земли“¹². Псковская письменная традиция поддерживала эту старшую эпическую традицию, сохранив отголоски „Моления“ Даниила Заточника и „Слова о полку Игореве“. Со вторым списком „Слова о погибели Руськой земли“ в „Книге Антиоха“ мы встречаемся в Псковской письменности середины XVI в.: безвестный монах Псково-Печерского монастыря снова переписал его начало перед Житием Александра Невского. В обоих известных нам сборниках, Псковском и Ленинградском, сохранилась одна и та же псковская редакция Жития Бориса и Глеба, составленная между 1480 и 1487 гг. Анализ литературной судьбы двух этих сборников убеждает нас в том, что присоединение „Слова“ к Житию — дело рук псковского книжника между

¹⁰ Предположение А. Н. Насонова об общем протографе псковских летописных сводов середины XV в. нуждается в дальнейшем уточнении. А. Н. Насонов полагает, что летописная работа в Пскове велась в едином центре при церкви св. Троице с XIII до начала XVI в., а в середине XVI в. переносится в Псково-Печерский монастырь (ср. А. Н. Насонов, Из истории псковского летописания, стр. 292—294). Обилие в Псковских 2-й и 3-й летописях разнородных известий местных церквей и монастырей может свидетельствовать в пользу того предположения, что летописная работа велась не только при главном храме, но и в псковских монастырях — Спасо-Мирожском, Снеогогорском и при местных церквях.

¹¹ Более подробную характеристику текста Жития Александра Невского в Псковской 2-й летописи см. Ю. К. Бегунов, Памятник русской литературы XIII века „Слово о погибели Руськой земли“, стр. 46—49, 55—56, 57.

¹² Ю. К. Бегунов, Памятник русской литературы XIII века, стр. 107, 201.

50-ми и 80-ми годами XV в.¹³ Тем самым был спасен от забвения „осколок эпических песнопений древностей наших“ (по И. И. Срезневскому). Псковский книжник не был бездумным компилятором: начало „Слова“ было присоединено к Житию на манер общего житийного предисловия о судьбах Русской земли, а „погибель Рускыя земли“ ассоциировалась у него со смертью князя Александра Ярославовича (ср. возглас митрополита Кирилла при погребении тела князя: „Уже погыбаемь!“). В XVI веке псковские книжники еще трижды обращаются к биографии Александра Невского, создавая новые редакции его Жития, две из которых составлены пресвитером Василием — для второй редакции макарьевских ВМЧ (до 1552 г.)¹⁴ и для 8-й степени Степенной книги (до 1563 г.)¹⁵, а третья — Проложная — это результат переработки 1-й Васильевой редакции (в конце XVI в.)¹⁶.

XVI век — это время расцвета псковской литературы, летописания, зодчества, живописи. Это время, когда Псков, присоединенный к Московскому великому княжеству в 1510 г., не остался в стороне от общерусского культурного подъема, сопровождавшегося процессом образования Русского централизованного государства при Василии III и Иване IV. Благотворное влияние общерусской культуры на местную псковскую сказалось весьма сильно. Среди псковских писателей того времени блистают имена старцев Филофея, Памфила, Серапиона, игуменов Герасима, Корнилия и Мелетия, инока Вассиана Муромцева, инока Снетогорского монастыря Корнилия, князя Г. И. Звенигородского-Токмакова, иконника Григория и, конечно же, пресвитера Василия, впоследствии мниха Крыпецкого монастыря Варлаама. Последний был самым крупным псковским писателем XVI в. Его перу принадлежат Жития Александра Невского, Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Исидора Юрьевского, Никиты и Нифонта Новгородских, службы и похвалы этим же святым, Сказание об иконе богородицы Спасо-Мирожского монастыря, похвала Алексею, человеку божию и некоторые другие. Литературное наследие Василия-Варлаама не изучено современными приемами текстологии, списки его произведений учтены недостаточно, добротные издания его текстов отсутствуют. Современные историко-литературные оценки творчества этого писателя суровы и безапелляционны, но подчас противоречивы и спорны. Макарий Булгаков, В. О. Ключевский, В. П. Мансикка, Н. И. Серебрянский характеризуют Василия-

¹³ Там же, стр. 71—83.

¹⁴ Издана трижды: В. П. Мансиккой по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 648 (см. В. П. Мансикка, Житие Александра Невского [Разбор редакций и тексты]. — ПДП, т. СLXXX, СПб. 1913, приложение, стр. 33—48), Н. И. Серебрянским по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 274 (см. Н. И. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития [Обзор редакций и тексты], М. 1915, приложение, стр. 124—127), Н. П. Поповым — по рукописи ГИМ, Синод. собр., № 176, Царский список Великих Четых-Миней, за ноябрь (см. Памятники славяно-русской письменности, изд. имп. Археологической комиссии. Великие Минеи-Четыи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 9. ч. 2. Ноябрь. Дни 23—25, М. 1916, стлб. 3242—3258).

¹⁵ Изданы дважды: Г. Ф. Миллером по рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 27 (Г. Ф. Миллер, Степенная книга царского родословия, М. 1775) и П. Г. Васенко по четырем рукописям (ИСРЛ, т. XXI. Книга Степенная царского родословия. Ч. I, СПб., 1908, стр. 279—295).

¹⁶ См. ркп. ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, конца XVI в., лл. 348 об.—353. Памятники русской церковно-учительной литературы, вып. 2. Славяно-русский Пролог, ч. I. Под ред. А. И. Пономарева, СПб. 1896, стр. 55—58

Варлаама как многоглаголивого писателя, который проявил „гораздо меньше авторских способностей, при отсутствии всякой самостоятельности и определенного взгляда на задачи биографа“ (В. Мансикка), как компилятора, который более дорожил риторической, чем фактической стороной изложения, увлекаясь „плетением словес“, общими житейными местами, традиционными формулами, молитвенными и чудесными элементами в повествовании¹⁷. „Написанные по определенной литературной схеме, нередко повторяя друг друга, эти жития исторической ценности не имеют, свидетельствуя лишь о распространении житийного шаблона в псковской книжности“, — говорится в академической „Истории русской литературы“¹⁸. Этот суровый приговор, конечно, не может стимулировать изучение сочинений псковича Василия, столь уважаемых и значимых в XVI—XVII в. В. П. Мансикка вынужден был признать, что, „несмотря на отрицательные стороны редакций, вышедшей из-под пера Василия-Варлаама, его произведению посчастливилось“¹⁹: оно стало источником новых редакций Жития Александра Невского в XVI—XVII вв. Однако, стоит лучше разобраться, в чем же именно состоят эти так называемые „отрицательные стороны редакции“ Васильева жития, и не отражают ли они какие-либо определенные художественные взгляды и вкусы своей эпохи? А „житийный шаблон“? Он у каждого агиографа был особенным и восходил к своего рода „магазину тем и приёмов“, называемому топикой древних литератур²⁰. А поскольку топка в Средние века служила мощной базой развития литературных тем, природу, характер каждого так называемого „житийного шаблона“ надо изучать отдельно и тщательно. Пресвитер Василий был не таким уж бесталанным компилятором, врагом исторической правды и фактической точности. Все дело в той идейно-эстетической задаче, которую псковский писатель пытался воплотить в своем произведении, сообразуясь со взглядами своего времени на поэтику художественных произведений. Источники Васильевой редакции Жития Александра Невского выявил еще В. П. Мансикка. Это Жития Александра Невского 1, 2, 4 редакций, сочинения Пахомия Серба — жития Михаила и Феодора Черниговских, Иоанна Новгородского, произведение мниха Антония — Житие Федора Ярославского, Летописная повесть о Мамаевом побоище. Однако, дело не в том, что именно и в каком объёме псковский пресвитер заимствовал у других писателей, главное — что он хотел сказать своим произведением, строя его именно так, а не иначе. Очевидно, что четыре предыдущие редакции Жития Александра Невского вызвали у Василия желание спорить с их авторами, так как он не был согласен с их идейно-эстетическими установками. Судя по тому, что свое произведение он построил совершенно иначе, его не устраивало простое и безыскусственное перечисление эпизодов из жизни Невского героя владимирской редакции Жития, не был он согласен и с летописно-повествовательной манерой

¹⁷ Макарий [Булгаков], История русской церкви. Т. VII, СПб. 1891, стр. 442—443; В. О. Ключевский, Древнерусские жития как исторический источник, М. 1871, стр. 250—262; В. П. Мансикка, Житие Александра Невского ..., стр. 126—142; Н. И. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития ..., стр. 215—217.

¹⁸ История русской литературы. Т. II. Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. I. Ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий, М.—Л. 1946, стр. 522.

¹⁹ В. П. Мансикка, Житие Александра Невского ..., стр. 165.

²⁰ E.-R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter 6. Aufl. Bern—München

изложения составителя 2-й редакции Жития, где новгородские летописные известия были объединены с житийными (30—40-х гг. XV в.)²¹. Не удовлетворяла его и составленная в Новгороде на основе 2-й редакции краткая 3-я редакция Жития (сер. XV в.), где преобладала гиперболическая, в духе эпических сказаний, характеристика князя Александра, как храброго, мужественного и умелого воина, защитника Русской земли, подобного Александру Македонскому и Ахиллу²². Итак, Василий был не согласен с теорией и практикой полу-светской полу-церковной биографии XIII—XV вв., какими выступают перед нами первые три редакции Жития Невского героя.

4-я редакция Жития, пожалуй, была ближе всех псковичу по своим идейно-эстетическим принципам, так как инок Владимирского Рождественского монастыря Михаил составил её между 1547 и 1550 г.²³ в духе агиографии Макарьевской школы. К той же агиографической школе принадлежал и Василий. Михаил назвал свое произведение „Словом похвальным благовѣрному великому князю Александру, иже Невский именуется, новому чудотворцу, в немже и о чудесѣх его сповѣдася“. В нем он соединил в одном поэтическом ряду произведение торжественного красноречия с агиографическим, присовокупив сюда же Сказание о посмертных чудесах от руки святого. В отличие от инока Михаила, пресвитер Василий больше заботился о чистоте жанра: он хотел создать такое агиографическое произведение, которое бы наиболее достойно прославило героя Невской и Ледовой битв как доброго христианина, превеликого чудотворца и преподобного. Обращает внимание иной, чем в литературе Возрождения, принцип построения образа героя: восхождение к его прототипу через деконкретизацию, диспропорциональность, итеративность, подобие. Потому пресвитер Василий стремится изобразить не реального человека, а идеализированный тип, персонифицирующий некую отвлеченную идею мира. Это происходило потому, что пресвитер Василий разделял господствовавшие в Средние века представления трансцендентальной эстетики — когда предметом искусства объявляется не доступный органам чувств человека быстро меняющийся реальный мир, а вечная и неизменная идея, открывающаяся лишь умственному взору. При этом художественный образ представляется неким подобием этой идеи мира и выглядел в глазах древнерусского человека большей реальностью, нежели открытый его чувствам мир. Неудивительно поэтому, что венцом творчества художника было не стремление к реалистическому искусству, а создание новых ценностей, отражающих божественный смысл мироздания²⁴. Неудивительно поэтому, что в художественном восприятии псковского книжника образы действительности превращаются в символы, максимально близкие к идее мира. Потому то Александр

²¹ Изд. текста см. В. П. Манси́кка, *Житие Александра Невского ...*, приложение, стр. 126—137.

²² Изд. текста см. В. П. Манси́кка, *Житие Александра Невского ...*, приложение, стр. 11—18; Н. И. Серебрянский, *Древнерусские княжеские жития ...*, тексты, стр. 121—123; Ju. K. Begunov, *Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts.* — *ZfSl XVI* (1971), стр. 105—109.

²³ Изд. текста см. В. П. Манси́кка, *Житие Александра Невского ...*, приложение, стр. 15—31; Памятники славяно-русской письменности, изд. имп. Археографической комиссии. I. ВМЧ, собр. вероссийским митр. Макарием ... ноябрь. Вып. IX, ч. 2. Дни 23—25, М. 1917, стлб. 3224—3242.

²⁴ G. Mathew, *Byzantine aesthetics*, London 1963, стр. 116; А. П. Каждан, *Византийская культура*, М. 1963, стр. 158.

Невский — это не реальный человеческий характер, а средоточие идеальных качеств, которые проявляются в его деяниях — воинских подвигах и мудром княжении. Вот перечень качеств и достоинств князя Александра словами Васильева жития: „князь благ во странах, тих и уветлив, кроток и смирен, по образу божию есть, не внимая богатства, не презря кровь праведническую, сироты и вдовицы в правду судя, милостилюбец, благ домочадцем своим, внешним от стран приходящим кормитель“ (стр. 45), „честен и дивен“, „обетования для боготи с великою верою и любовию душевною“, „превеликий чудотворче, преподобне княже“ (стр. 47, 48)²⁵.

Помимо четырех главных добродетелей античных героев — *ἀνδρεία* (мужество), *δικαιοσύνη* (справедливость), *σωφροσύνη* (скромность), *φρόνησις* (мудрость)²⁶, князь Александр наделяется еще многими христианскими качествами. А следствием идеальных качеств князя Александра были поступки героя в Житии, которые воспринимались средневековым читателем не иначе, как идеальные поступки идеального человека. Это победы над шведами на Неве (1240 г.), изгнание немцев из новгородских и псковских пределов (1241 г.), победа на льду Чудского озера (1242 г.), наказание литовцев (1247 г.), взятие Юрьева Ливонского его сыном князем Димитрием (1262 г.). Это гордый ответ папским послан и дипломатические поездки в Орду, и восстановление разоренной Русской земли после татарских нашествий, и приравненная к мученической кончина князя Александра, и посмертное чудо с духовной грамотой (1263 г.).

Пресвитер Василий называет свое сочинение „малым сиим гранесловием, еже спастися и в разум истинный приити ми и избавитися муки вечны“²⁷, т. е. оно как бы состоит из отдельных главок — граней, служащих как ступени лестницы постепенному восхождению по стезе совершенства от низшего к высшему, ибо средневековое искусство есть преодоление видимой оболочки вещей и построение особого мира, максимально приближенного к Идее мира, и потому символичного, ибо искусство служит той цели, которой человек средневековья подчинял свою жизнь вообще: спасению. Поэтому искусство должно было быть душеполезным; оно не просто „показывает“, оно „научает“, выражая заранее данную истину в символах. Поэтому жизнеописание князя Александра построено Василием по обычной рамочной схеме житий: предисловие, биография, заключение, но в нем нет описания чудес, похвалы святому, сказания о обретении мощей. Основная часть — биография построена на общих местах, раскрывающих богоугодные качества и деяния хвалимого лица: *γένος* — происхождение, *ἀνατροφή* — образование, *ἐπιτηδεύματα* — поступки в юности как предтеча геройским подвигам, *πράξεις* — военные и мирные деяния²⁸. Они перечисляются не в хронологическом порядке, а в поэтическом ряду по добродетелям, немного повторяя схему 1-й редакции Жития Александра Невского. Однако, в отличие от последней, в Васильевой редакции мы читаем не отдельные эпизоды из жизни новгородского и владимирского князя, а связанный

²⁵ Ссылки даются на стр. издания В. П. Мансикки.

²⁶ Cp. T. Viljamaa, Studies in greek encomiastic poetry of the early byzantine period. — Commentationes humanarum litterarum. Vol. 42, Nr. 4, Helsinki 1968.

²⁷ „Грань“ — это „глава“ или „граница“, по И. И. Срезневскому [см. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I, СПб. 1893, стлб. 585. Cp. „Титель сказывается грань. Грань же юсиѣ имепуеться събытаніе“ (Ряз. Кормчая 1284 г.)].

²⁸ T. Viljamaa, Studies in greek encomiastic poetry of the early byzantine period, стр. 98—99.

рассказ, подчиненный единой идейно-эстетической задаче в построении образа героя. Часто прибегая к чужим сочинениям и выписывая из них целыми пассажами, Василий знал, зачем он это делал. Он шел по линии использования „общих мест“ и деконкретизации образа, затем, чтобы приравнять князя Александра к общепризнанным героям минувшего: пророку Моисею, Иисусу Наввину, песнотворцу Давиду, царю Соломону, князю Ярославу Мудрому, новгородским и черниговским князьям. Что же касается стиля, то пресвитер Василий, в отличие от Епифания Премудрого, Пахомия Логофета и их учеников, великих мастеров плетения и извития словес, не занимался созданием словесных узоров и этимологической игрой: его стилистический период — малоукрашен и прост. Центр тяжести его произведения не на формальной, а на идейной стороне образа: прославление героя путем повествования о деяниях.

Так, из-под пера псковского книжника появилось идеализированное жизнеописание князя Александра Невского. Из многих его особенностей мы отметим лишь две: первая связана с псковским характером его сочинения — не менее 5 раз он подчеркивает значение помощи князю Александру святой троицы и великого князя псковского Всеволода, а вторая — с вымышленной легендой о неповиновении князя Александра хану Батью в Орде. В результате герой Невского и Ледового сражений, в действительности подчинившийся в Сарае всем унижительным процедурам очищения огнем, приравнивается к неподчинившемуся татарам и заму-ченному ими святому князю Михаилу Всеволодичу Черниговскому. Благодаря популярности Васильевой редакции на Руси, эта легенда проникла во многие позднейшие редакции Жития Александра Невского. Недостатки Василиевой редакции с точки зрения ортодоксальной агиографии — отсутствие сказания о чудесах и похвального слова были исправлены позднейшими агиографами, например, Ионей Думиным, а её положительные черты — наличие сквозной идейно-эстетической задачи, композиционная стройность по граням, примат содержания над формой — были подхвачены и утверждены в XVI—XVII в. в русской агиографической литературе, посвященной князю Александру Ярославичу. Если принять во внимание огромную общерусскую популярность легендарной личности этого князя, бывшего родоначальником династии Московских великих князей — Рюриковичей, то желание Пскова подтвердить свое право на историческое воспоминание в середине XVI в. о подвигах героя Ледового побоища следует рассматривать как яркое проявление местного и общерусского патриотизма, полностью здесь совпадавших.